МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ

МАЛЫЙ ТЕАТР

ЧЛЕН СОЮЗА ТЕАТРОВ ЕВРОПЫ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА — НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР Ю. М. СОЛОМИН

(263)
СЕЗОН
№10(162)
2018

ИЗДАЕТСЯ С 1935 ГОДА

www.maly.ru

Газета, которую вы держите в руках, посвящена знаменательному событию.
5 декабря 1988 года Министерством культуры СССР был подписан приказ о назначении Юрия Соломина художественным руководителем Малого театра, а ранее коллектив на общем собрании сделал свой выбор: почти единогласно коллеги проголосовали «за» Соломина.
Процедура голосования в тот день шла открыто, что случилось впервые в истории Малого театра.
В этом номере вы прочитаете воспоминания о том, как проходило избрание худрука,
а также поздравления Юрию Мефодьевичу от коллег, друзей и учеников.

«Тридцать лет, или Жизнь художественного руководителя»*

Борис Любимов о Юрии Соломине

Войницкий. «Леший» А.П.Чехова

Так совпало, что эти тридцать лет руководства Юрия Соломина в Малом театре прошли у меня на глазах. Идея моего прихода в театр родилась, когда Юрий Мефодьевич в качестве председателя художественного совета, но ещё не будучи художественным руководителем, предложил встретиться. Дело в том, что в это время освободилась должность завлита и мне позвонили с просьбой порекомендовать кого-то на это место, что я охотно и сделал. А потом возникла идея, чтобы я сам стал завлитом. Мне это совершенно не приходило в голову, но когда мы договорились с Ю.М. Соломиным о встрече, я взял с собой томик пьес Солженицына, думая о том, чтобы порекомендовать человека и заодно репертуарную идею. Это было 15 октября 1988 года — Юрий Мефодьевич, тогда ещё на «Жигулях», ехал с Ордынки, где репетировал в спектакле «Леший» роль Войницкого. Он остановился у моего дома, я сел в машину, и мы поехали к нему. И под закусочку, под обед, который приготовила Ольга Николаевна, Соломин рассказывал о том, как видит мою работу в Малом театре, а я ему — про томик Солженицына. В результате получилось и то, и другое.

Следующая наша встреча состоялась 26 октября, и тогда же мне впервые показали Ермоловское фойе. Наряду с исторической сценой Малого это моё самое любимое место в театре. Что-то со мной происходит, когда я нахожусь в Ермоловском фойе, а уж сколько там приходилось бывать во время репетиций и спектаклей, одному Богу известно. И вот в первых числах ноября у меня первая зарплата в Малом. Помню длинную очередь, которую работники театра занимали в кассу, помню спрятавшегося от всех Евгения Валериановича Самойлова, пока на него не обратили внимание, не узнали, не пропустили: «Дядя Женя, проходите». Я сразу отметил эту его человеческую деликатность, которая осталась у меня в памяти на последующие тридцать лет. А через какое-то время состоялись выборы — впервые в истории художественный руководитель Малого был избран демократическим путём. Думаю, это один из важных, существенных этапов для российской театральной культуры в целом. Возможно, я субъективен, но говорю как историк театра, как летописец. Здесь есть несколько завязок. С одной стороны, репертуарная политика, режиссёрская, с другой — политика набора труппы, выбора художников, композиторов, и так далее. Через месяц после избрания Юрия Мефодьевича состоялась премьера пьесы Чехова «Леший», где Соломин играл одну из главных ролей. Поставил спектакль режиссёр Борис Морозов, активно сотрудничавший с коллективом, а для художника Иосифа Сумбаташвили и композитора Григория Гоберника эта работа стала дебютом в Малом, потом они работали над многими спектаклями. Гоберник, как и я, тоже остался в театре — мы с ним познакомились в конце декабря 1988 года на сдаче «Лешего» худсовету. Тоже тридцать лет. И тридцать лет Чехова в Малом: «Леший», далее «Дядя Ваня», затем «Чайка» и «Три сестры». «Вишнёвый сад» к тому времени уже шёл, но было большое количество вводов. В 2001 году Виталий Соломин поставил «Иванова» — то есть в репертуаре появились все основные пьесы. Плюс «Свадьба, свадьба, свадьба!», а сейчас ещё идёт «Перечитывая Чехова» по ранним рассказам писателя. Отдельные пьесы ставились и раньше (например, «Иванов» в режиссуре Бориса Бабочкина), но такая упорная чеховская линия связана именно с Ю.М.Соломиным. Антон Павлович стал для Малого театра вторым Островским, просто Александр Николаевич больше пьес написал.

В конце сезона 1988/1989 годов состоялась премьера драмы Теннесси Уильямса «Ночь игуаны» в постановке американца Теодора Манна. Опять-таки иностранные режиссёры работали в Малом и раньше, но постоянное сотрудничество с ними — тоже линия, связанная с Юрием Соломиным: Илан Ронен, Жорж Лавадан, Стефано де Лука...

Всякий раз, когда в стране происходит некоторая ломка, обязательно обращаются к исторической драматургии. А.К.Толстой писал свои пьесы в период великих реформ, сразу после освобождения от крепостного права, а это событие, потрясшее основы России независимо от того, был ты явный крепостник или демократ, каждый почувствовал на себе. Вот так же и мы ощутили изменения, происходившие в конце 80-х — 90-е годы. Нам на помощь пришли уроки истории. Одна из первых репертуарных идей, которые я предложил Юрию Мефодьевичу, и он согласился — «Князь Серебряный» А.К.Толстого. К этому времени уже много лет шёл «Царь Фёдор Иоаннович», а вскоре были поставлены «Царь Борис» и «Смерть Иоанна Грозного» («Царь Иоанн Грозный»).

Чрезвычайно важными спектаклями, которые определили то, что Станиславский называл «общественно-политической линией», стали «И аз воздам» Сергея Кузнецова и «Пир победителей» Александра Солженицына. Мужество художественного руководителя в случае с «И аз воздам» выше мужества завлита — ты пишешь свою фамилию мелким шрифтом, а художественный руководитель подписывает афиши. Премьера состоялась в те дни, когда отменили 6-ю статью Конституции о руководящей роли коммунистической партии, но решение о постановке принималось, естественно, гораздо раньше. Ю.М.Соломин ещё не стал министром культуры, а Горбачёв — президентом, да и вообще президентов, пока существовал Советский Союз, не было. Конечно, дни СССР заканчивались, но мы об этом тогда не знали, и фактически первыми на сцене рассказали о трагической судьбе царской семьи. Что касается «Пира победителей», спектакль был задуман ещё в 1988 году, а вышел через семь лет, когда Солженицын уже вернулся в страну. Постановка заслужила очень высокую оценку Александра Исаевича, который потом сказал, что этот день у него один из самых счастливых в жизни.

В антракте спектакля «Царь Фёдор Иоаннович»

Следующий чрезвычайно важный момент — формирование труппы. Я пришёл в театр, когда ещё активно выходил на сцену Николай Александрович Анненков, а Елена Николаевна Гоголева уже заканчивала свою актёрскую деятельность. Было сильное среднее поколение. В Малый театр

Тригорин, Ирина Муравьёва — Аркадина, Владимир Богин — Медведенко. «Чайка» А.П.Чехова

*Перефразированное название пьесы «Тридцать лет, или Жизнь игрока» В.Дюканжа, в которой прославился исполнением главной роли П.С.Мочалов

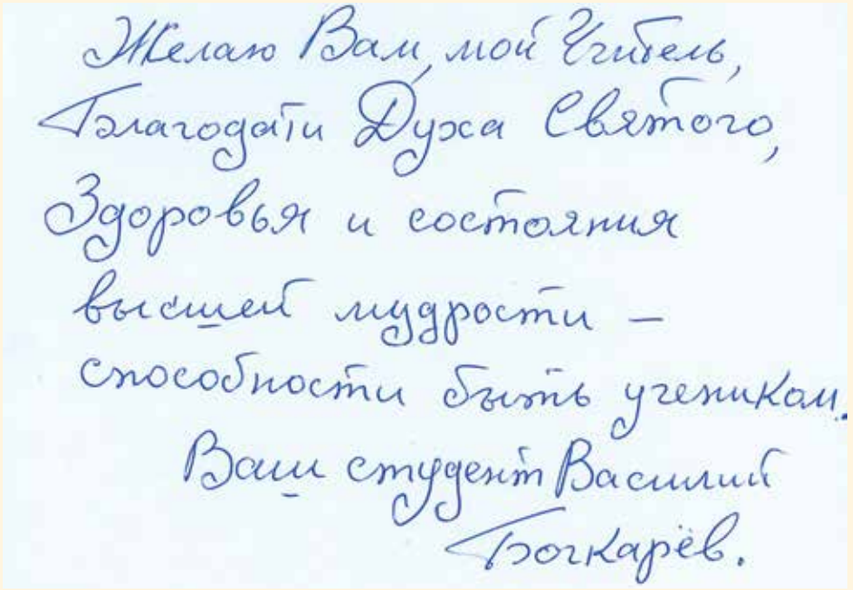
вернулись Виталий Соломин, Виктор Павлов, Евгения Глушенко, пришла Людмила Полякова, через несколько лет — Ирина Муравьёва. Когда я стал завлитом, самыми молодыми артистами были ныне народная артистка Ольга Пашкова и заслуженный артист Александр Белый. И следующие поколения, ставшие заслуженными, получившие Госпремии, как Глеб Подгородинский, Ирина Леонова — актёры, приглашённые в труппу при Юрии Соломине. Эта политика продолжается. Со временем пришёл Борис Невзоров, недавно приглашён Валерий Афанасьев.

Конечно, год с лишним — практически весь 1991-ый, последний год существования СССР, — проведённый Юрием Мефодьевичем на посту министра культуры, дал ему огромный опыт руководителя. Это как в окопах во время войны — день за три, а то и за неделю считается. Я опять-таки могу свидетельствовать, потому что он предложил мне в перспективе пост заместителя министра, а пока советника. Очень хорошо помню лицо Юрия Мефодьевича, когда он в ноябре 1991 года пришёл в свой кабинет, и я спросил: «В чём дело?» Дело было в тех новых тенденциях правительства, которые, как он считал, являются угрозой для развития культуры в России. И вот мы сидели в его кабинете, и он написал заявление, мотивировав, почему уходит с поста министра. До сих пор ругаю себя, что не сохранил этот текст, не знаю, остался ли он у Юрия Мефодьевича. Так что могу с уверенностью сказать: к тому времени, когда состоялась «Беловежская пуща», он уже не был министром культуры, и ответственности, которая лежит на тех, кто причастен к развалу страны, на его плечах нет.

Ещё существенный момент — ремонтные работы. Соломин выдержал их несколько. Сначала основная сцена в 1989–1990 годах. Что это было в условиях тех лет! Юрий Мефодьевич интуитивно принял верное решение не уходить совсем из здания, потому что понимал: иначе театр могут законсервировать лет на десять. Основную сцену тогда называли «Дом Павлова» — всё сотрясалось, но кто-то обязательно находился там каждый день. Поэтому всё-таки удалось вернуться. В середине 90-х — ремонт филиала на Ордынке. И вплоть до недавней реконструкции, когда Малый театр предстал во всей своей красе — вовремя, в срок и без уголовных

С Галиной Кирюшиной после спектакля «Царь Фёдор Иоаннович» А.К.Толстого

Кисельников. «Пучина» А.Н.Островского



С писателем Альбертом Лихановым и актёрами Малого театра Николаем Анненковым, Виктором Коршуновым, Алефтиной Евдокимовой

С Евгением Самойловым на репетиции спектакля «Коварство и любовь» Ф.Шиллера, на заднем плане — Юрий Васильев

дел, которыми у нас обычно сопровождаются даже благие начиная.

Особое внимание у Юрия Мефодьевича к режиссуре. К моим однокашникам, учившимся чуть раньше Владимиру Бейлису и Виталию Иванову, в начале 90-х присоединился ещё один выпускник ГИТИСа — Владимир Драгунов. И дальше по этому пути пошло формирование режиссуры — с одной стороны, приглашение маститых профессионалов, таких как Адольф Шапиро. Вот сейчас должны приступить к работе опытнейший мастер, педагог Щукинского училища Владимир Иванов и уже сложившийся режиссёр, тоже педагог Щуки Александр Коручеков. А, с другой стороны, молодые актёры и режиссёры Малого театра ставят на малой сцене. Мне кажется, это верный путь — и собственные кадры, и приглашённые. Нам часто ставят в вину замкнутость на себе, но это не так. Вспомним, какие режиссёрские имена выходили из Малого, начиная с Андрея Гончарова. Приглашались Анатолий Эфрос, Борис Львов-Анохин, Пётр Фоменко, Леонид Хейфец, Борис Морозов, Сергей Женовач... А какие художники работали в период руководства Юрия Мефодьевича! Кроме Иосифа Сумбаташвили, он пригласил мастера, много сотрудничавшего с Малым и раньше, — Энара Стенберга, лучшего из художников своего поколения. Валерий Левенталь, Эдуард Кочергин, Сергей Бархин, Станислав Бенедиктов, Мария Рыбасова, Александр Боровский... А сейчас в Малом впервые работает один из старейших художников России — Борис Мессерер. Поэтому, если смотреть непредвзято, ни о какой замкнутости говорить не приходиться.

И ещё один момент. Нельзя сказать, что Малый театр никогда раньше не ездил на зарубежные гастроли. Я вспоминаю сезон 1989/1990 — это был фантастический год! Начать с того, что мы съездили в Ливию, страну, которой сейчас фактически не существует. Малый — первый, и, наверное, последний театр в истории Ливии и России, побывавший там на гастролях. Через три месяца мы оказались в стране прямо противоположной — Израиле. И опять были первым театром, гастролировавшим не с одним спектаклем, а сразу с тремя: «Леший», «Царь Фёдор» и «Вишнёвый сад». Поехала половина труппы. Я помню, когда приземлились в Тель-Авиве, нас спросили: «Вы прилетели через Вену?», мы ответили: «Нет, прямым рейсом». Люди заплакали. Тогда ещё не открылось посольство, мы были в определённом смысле провозвестниками нормализации отношений между государствами. Наконец, июнь 1990 года — Япония. Я понимаю, что сейчас все везде бывают, но ведь речь не о частном туризме, а о гастролях. Они тогда очень стимулировали жизнь коллектива, а теперь, конечно, являются нормой для существования любого театра.

30 лет — серьёзный этап в истории Малого, и это не предел!

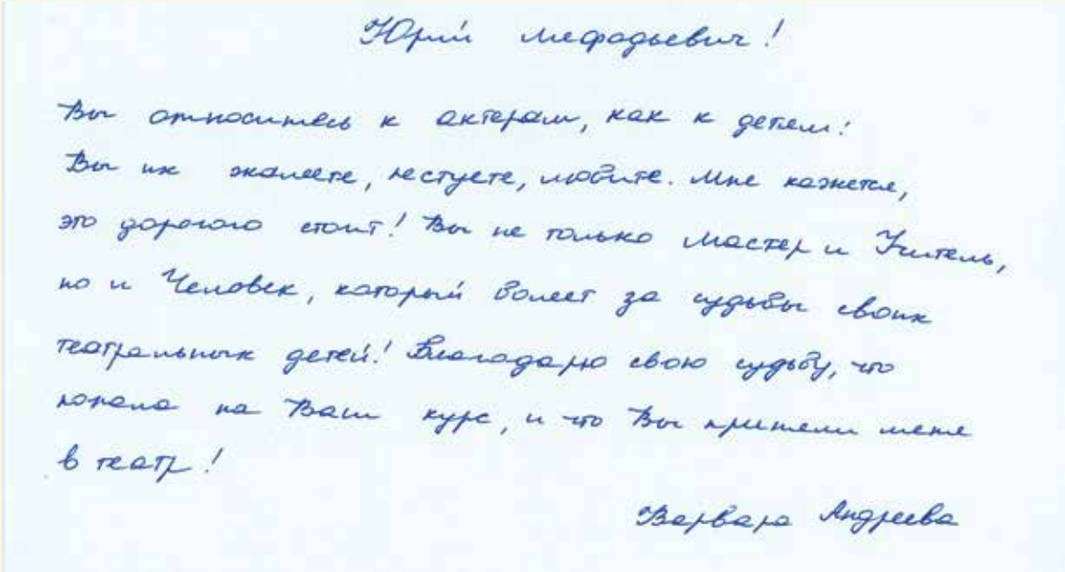
Записала Вера Тарасова

Сцена из спектакля «Пир победителей» А.И.Солженицына

С Александром Солженицыным

Реконструкция в самом разгаре

Княжко. «Берег» Ю.В.Бондарева



Юрий Мефодьевич!

Вы относитесь к актерам, как к детям!
Вы их жалеете, нестуете, любите. Мне кажется,
это дорогого стоит! Вы не только Мастер и Учитель,
но и Человек, который болеет за судьбы своих
театральных детей! Благодарю свою судьбу, что
попала на Ваш курс, и что Вы приняли меня
в театр!

Варвара Андреева

МАРК ЗАХАРОВ РАСКРЫВАЕТ ДАВНИЙ СЕКРЕТ

На вопросы редакции — и Юрия Соломина — отвечает худрук «Ленкома»

Марк Захаров, Анна Большова и Дмитрий Певцов поздравляют Юрия Соломина с 80-летием. Июнь 2015 года

— Марк Анатольевич, Вы руководите театром «Ленком» сорок пять лет, Юрий Мефодьевич Соломин во главе Малого тридцать лет. С высоты Вашего опыта расскажите, что такое институт художественного руководства? В чём сложность и опасность этой должности?

— Когда человек долго руководит театром, как Юрий Мефодьевич Соломин, это заслуживает уважения. Ведь надо суметь подчинить себе коллектив. Поначалу, как правило, идёт определённая борьба. Жизнь в театре так устроена, что при назначении нового худрука у труппы возникает стадное чувство… Вроде в отдельности каждый из артистов хорош, а когда они все вместе, художественный руководитель вызывает некоторое недовольство. Так же, кстати, и у писателей. Я заметил, что по отдельности они замечательные, но когда мы все вместе встречались в Доме литераторов, планка уровня разговоров сразу понижалась.

Это вообще не очень справедливая должность, потому что, если худрук, режиссёр встанет утром с плохим настроением, за окном будет дождь или у него заболит зуб, — всё это может сказаться на качестве его продукции. Но и артисты иногда, понимая слабину руководителя, способны показать колючки.

Когда я в 1973 году пришёл в «Ленком», лично для меня «хороший момент» заключался в том, что ничего хорошего в театре не было. Все ждали какого-то события. Сначала случилась громкая и довольно бессмысленная радость: я выпустил «Автоград-XXI», а потом случилась радость осмысленная — спектакль «Тиль» по пьесе Григория Горина. Тогда он случайно услышал разговор двух одевальщиц-вахтёрш: «Вот раньше зритель приходил в валенках, в галошах, а сейчас все в болоньи! в болоньи!» Был такой период в нашей относительно недавней истории, когда плащ «болонья» являлся символом жизненного благополучия, как сегодня автомобиль «Мерседес».

Так вот, Соломин вызывает у меня неподдельное, совершенно искреннее восхищение. Он родом из Читы, проехал чуть ли не всю страну, чтобы стать художественным руководителем Малого театра. И добился своего, хотя это было очень рискованно — из зауральских просторов ринуться в Москву.

Вначале он сталкивался с определёнными сложностями, как это бывает у многих незаурядных людей, а потом в его жизни настал стабильный качественный продуктивный период, который выдвинул Юрия Мефодьевича в число выдающихся деятелей театра. Его даже на короткий срок назначили министром культуры. В то время по телевидению нередко крутили фрагмент из «Обыкновенного чуда», где он пел легкомысленный дуэт с актрисой Екатериной Васильевой, прижимаясь щека к щеке. Говорят, Ельцин заинтересовался: почему так часто показывают этот отрывок? «Это Ваш министр культуры», — сказали Борису Николаевичу, что его очень удивило, как-то не осталось у Президента в памяти назначение министра культуры.

Но я должен повторить главное: Соломин вызывает у меня чувство восхищения. Ринулся через всю страну в Москву. Это рискованный подвиг и какая-то особая целенаправленность. И второе, что мне нравится: у него генетика хорошая — Мефодьевич. Мефодий — сейчас так не называют, а ведь имя связано с нашими далёкими воспоминаниями о Российском государстве.

Юрий Соломин обладает огромным актёрским обаянием. Случается, что человек не умеет носить ни фрак, ни военную форму — на Соломине она всегда сидела органично, добавляя ему популярности и народной любви. В период наших совместных трудов, когда снимался телевизионный фильм «Обыкновенное чудо», я особо с Юрием Мефодьевичем на площадке и не возился, не делал режиссёрских показов — он сразу нашёл свою стезю, что было замечательно.

— Марк Анатольевич, недавно Вы отмечали юбилей, и вышла книга, в которой, среди прочих, были поздравления и Юрия Мефодьевича. В частности, он написал, что не один год его мучает вопрос: почему Вы позвали его в фильм «Обыкновенное чудо»? Вы сейчас говорите о том, как Соломин умеет носить военную форму, а он особо благодарен за то, что, наконец, эту форму снял. Вы увидели его совсем в другом амплуа; созвездие артистов, в котором Юрий Мефодьевич работал, стало для него огромным творческим счастьем. И он то и дело задаётся вопросом: «Почему же Марк Анатольевич меня взял?» Порадуйте нас, раскройте секрет.

— Сама постановка вопроса говорит о редком человеческом потенциале, о скромности Юрия Мефодьевича, корректном отношении к своей актёрской судьбе и к партнёрам. Чаще всего люди воспринимают это как должное: «Вот, Вы будете Гамлетом». — «Конечно, я, кто же ещё? Только я!» А Соломин, видите, задался вопросом — почему?

Много обстоятельств сыграло свою роль.

Во-первых, я однажды увидел, как он бросился разнимать больших собак, которые грызлись. Был частично искусан, но остался доволен, что ему удалось их успокоить и восстановить мир. Может, собаки и дружить после этого стали.

И ещё — Юрий Мефодьевич обладает чувством юмора высокого свойства, своеобразным и прекрасным. Юмор делится на бесконечное количество оттенков: от высокого до самого низменного. Соломин сумел занять свою собственную нишу, и был так обаятельно остроумен, когда рассказывал Волшебнику, как сложилась дальше жизнь его героя — Трактирщика. Ещё мы придумали, что наш трактирщик Эмиль музицирует на всех инструментах, от флейты до контрабаса и виолончели. Соломин всё сумел сыграть — в буквальном смысле! Благодаря ему Трактирщик получился виртуозом. Вклад Юрия Мефодьевича в фильм трудно переоценить. Он сыграл весомую, замечательную роль в моей жизни, в моей режиссёрской судьбе.

Обычно журналисты спрашивают: «А какие случаи с ним происходили?» Хочу рассказать об одном. Был какой-то сбор творческой интеллигенции в Театре Российской Армии, и с некоторым опозданием появился Юрий Мефодьевич — с красивейшей длинноногой, импозантной молодой дамой, смотревшей на всех как победительница. Это вызвало в рядах присутствующих заметное волнение. Подобные появления на публике — большое событие, которое всегда темпераментно обсуждается «общественностью». И он, бедный, почувствовав внимание такого рода, стал кричать: «Это внучка! Это внучка моя! Это моя внучка!», вызвав некоторое разочарование у одних, но, с другой стороны, определённое уважение у других — он и тут повысил свой престиж.

Беседу вела Ольга Галахова

Олег Янковский — Волшебник, Юрий Соломин — Эмиль, Екатерина Васильева — Эмилия. Сцена из т/ф «Обыкновенное чудо» (режиссёр Марк Захаров, 1978 год)

Мой Учитель, Юрий Мефодьевич!
Всё моё уважение, и благодарность, и восхищение к вам, за долгие годы вашего участия в моей судьбе!
Базарова Катя

Дорогой Юрий Мефодьевич!
Поздравляю Вас с юбилеем, желаю крепкого здоровья!!!
Спасибо Вам за все что Вы для меня сделали!!!
Иван Бородин.

Дорогой, Юрий Мефодьевич!!!
Поздравляю, Вас от всей души!
Спасибо вам за всё. Горжусь и люблю, Учитель! Спасибо!
Ваша Алла Абрамова.

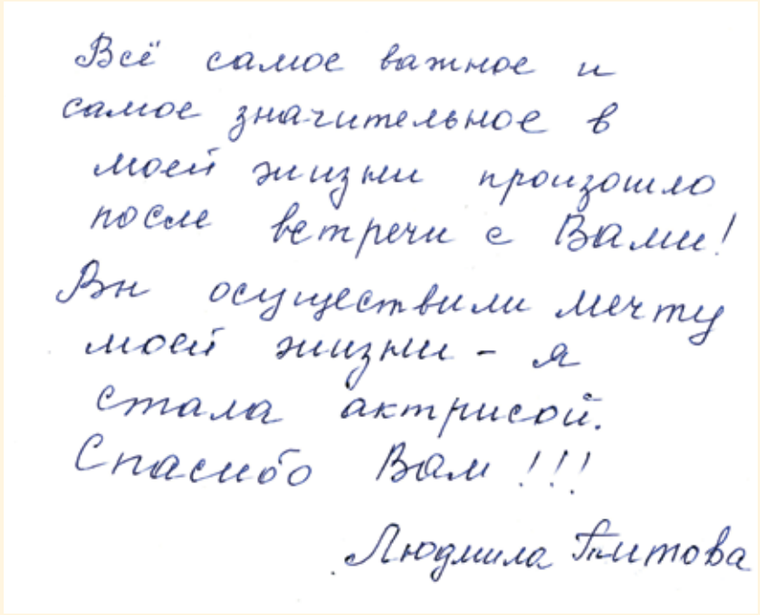
«ТРИДЦАТЬ ЛЕТ БЕЗ МАЛОГО»

Александр Ширвиндт,
худрук Театра сатиры, поздравляет коллегу

Дорогой Юрий Мефодьевич!

Несмотря на то, что ты не пригласил меня на юбилей, при моём архи-любовном уважительном отношении к тебе я как-то должен соответствовать моменту. Вот папка, я хотел бы её вручить лично, но ничего не поделаешь, прочту этот адрес заочно. Папка хорошая, настоящая, на ней написано «Поздравляю».

Александр Ширвиндт с той самой папкой



Всё самое важное и самое значительное в моей жизни произошло после встречи с Вами! Вы осуществили мечту моей жизни – я стала актрисой. Спасибо Вам!!!

Людмила Гнитова

«Дорогой Юрий Мефодьевич!

Наступают сроки, когда необходимо любую круглую дату считать юбилеем, потому что можно не успеть. Это не зазорно совершенно, особенно на фоне нынешнего круглосуточного ликования от правильности нашего общего существования.

Дорогой Юрий Мефодьевич!

Как Вы помните, во времена нашей безумной юношеской „капустнической“ деятельности в Доме Актёра, однажды мы пошутили, что вышла книжка мемуаров старейшей актрисы под названием «Тридцать лет без Малого».

Мы ни на кого не намекали, просто шутили. Сегодня отмечается тридцать лет, как Малый под тобой. В хорошем смысле, без всяких вторых планов. И вот, что я должен тебе сказать. Хрестоматийно, конечно, желать тебе наград, творческих успехов, счастья в семейной и личной жизни. Всего этого у тебя навалом. И вот, как это ни парадоксально, я хочу пожелать сегодня не тебе, а себе, как можно дольше лицезреть тебя на Олимпе нашего театрального содружества. Потому что ты такой эталон, я сейчас не шучу, эталон цельности, честности, таланта, несуетливости. Вот я хочу пожелать себе, чтобы это длилось как можно дольше.

И когда наступит пятьдесят лет твоего служения нашему великому и трагическому делу, я обязательно тебя поздравлю и, единственно, желаю, чтобы ты меня всё-таки тогда позвал».

Записала Ольга Галахова

Сирано де Бержерак в одноимённом спектакле по героической комедии Э.Ростана

Уважаемый Юрий Мефодьевич!
Я бесконечно благодарна судьбе, за то, что мне посчастливилось учиться у Вас – впитывать, внимать, думать, священнодействовать…
Я желаю Вам, самое главное, быть самым счастливым человеком.
Наташа Чураева

Дорогой Учитель!
Желаю Вам здоровья, сил, мира и спокойствия! Заверяю, что принципы и основы, заложенные Вами в нас, Ваших учеников, живы, будут претворяться в жизнь и передаваться из поколения в поколение!
Пезов С.Л.

Горжусь!!!
Мой Мастер – Юрий Мефодьевич Соломин!!!
Люблю. Навсегда.
[illegible] Д.Г.

Самый дорогой мой Человек, дважды изменивший мою судьбу, не теряйте надежды, Маэстро, и будьте всегда!
С любовью,
Молкова

Это великое счастье – видеть Вас на сцене, с гордостью находиться рядом и иметь возможность учиться у Вас.
Ольга [illegible]

Большому Художнику
Желаю Больших полотен!!!
Здоровья, счастья!
Спасибо Вам за всё, Учитель.
А. Белый – Рембрандт.

Вера Максимова: «Старики называли его Юрочкой»

(расшифровка фрагмента из документального фильма «Капитаны Малого театра», 2016 год)

Автор и герой: Вера Максимова и Юрий Соломин на презентации книги «И это всё о нём». Март 2014 года

Многое обусловило приход Юрия Мефодьевича на должность художественного руководителя. Во-первых, он — человек школы. В Малом театре так было всегда: своя школа, свои корни, своя биография, своя история. Он от корней. Дальше — Соломин из провинции. И никакого благоволения сильных, «ничейный» сын, безо всяких «папы-мамы». Конечно, у него были папа и мама, которые хотели, чтобы он стал актёром. Но эти скромные люди, тоже когда-то мечтавшие о творческой карьере, только оперной или музыкально-исполнительской и так или иначе служившие искусству, ничем ему помочь не могли.

Соломин попал в огромную труппу, которая предельно требовательно относилась к молодым артистам. В Малом театре существует простой закон. Сперва молодёжь проходила Щепкинское училище — а дальше школа продолжалась на сцене:

Александра Яблочкина — мисс Кроули, Татьяна Еремеева — Бекки Шарп. «Ярмарка тщеславия» У.Теккерея

когда они стояли с алебардами, выкатывали в кресле грандиозную старуху Александру Яблочкину, исполнявшую свою последнюю роль — мисс Кроули в «Ярмарке тщеславия». Когда играли «петрушек» и «лукашек», выходивших с подносами.

Сегодня, достигнув большого положения и званий, они никогда не жалеют о том времени. Все до единого, включая Юрия Мефодьевича, говорят, какое наслаждение было участвовать в спектакле, играть в «океане» мастеров. Это такая фантастическая школа, что сказать, будто они просто горестно терпели и скрипели зубами, когда возвращались домой, было бы неправдой. Потому что ты знаешь, что выйдешь, и на сцене будет пять человек великих актёров, или ты встретишь их загримированными, идя навстречу по коридору, услышишь их божественную речь, увидишь, какие они необыкновенные, какие разные. Рыжова и Турчанинова — подруги, но ничего общего в стиле игры: аристократка Малого театра, грандиозная европейская актриса, и гениальная русская «старуха». А как они все по-разному приспосабливались к сцене! Один рассказывает за секунду до выхода анекдоты, второй стоит — великая сосредоточенность на челе, а третья, чтобы разогреть себя, до последней минуты ждёт в гримёрной и «сваливается» по лестнице, бежит, как сумасшедшая, играть что-нибудь типа Евгении Гранде. Это всё наблюдалось, вызывало восторг, умиление и огромное уважение к театру.

Я не знаю, хотел ли Соломин стать художественным руководителем. Думаю, да, потому что в нём есть честолюбие. Какое счастье: от тебя зависит благополучие гигантского, великого дела! Что помогло Юрию Мефодьевичу получить поддержку труппы? Его биография. К тому времени он замечательно «прозвучал», поднявшись как актёр на глазах у всего театра. Старики называли его Юрочкой. Это не была фамильярность. Соломин — «свой», питомец, из провинции — «безблатный», «безпотомственный». Сработало его начало — честное и чистое. Это ведь тоже очень важно. Он знал бедность и никогда не стремился к богатству. У него и сейчас нет ни спичечных фабрик, ни пяти домов, только тот нормальный минимум, который положен такому знаменитому и столько давшему и театру, и кинематографу, актёру.

Здесь очень ценится умение терпеть. Когда в труппу принимают новых артистов, я говорю: «Они ведь пришли играть, а не сидеть в прихожей и ждать ролей». Но он не хочет об этом даже слышать, потому что сам терпел: после Хлестакова был огромный перерыв, семь лет паузы. В «Ревизоре» Соломин имел колоссальный успех. Он играл не комедийную роль, но мелодраму. Потому что в финале были разочарование и боль оттого, что надо уезжать, и такая горечь, что это мимолётное счастье никогда в жизни не повторится!.. Для меня Юрий Мефодьевич — очень близкий родственник грандиозного артиста Малого театра Сашина-Никольского. Сам он видит себя неврастеником, я же считаю, что Соломин — замечательный актёр мелодрамы, а мелодрама допускает и смешное, и трогательное, и горестное.

В Соломине, конечно, сильнее не рациональное, а интуитивное начало, замечательное чувство театра, своего в основном. Иногда говоришь, что хорошо было бы посмотреть что-нибудь на стороне. Но чем дальше идут годы, накапливается усталость и прибавляется обязанностей, тем меньше он выходит за пределы Малого.

Колоссальная сосредоточенность, преданность, ощущение особости места, где ты живёшь и служишь — тоже примета Юрия Мефодьевича. Иногда он очень субъективен к своим ученикам — это простительно, потому что ты их любишь и восхищаешься, но зато, когда идут репетиции, он всегда видит, где плохо, где хорошо, где правда, а где наигрыш, ложь и пустота. Я иногда думаю, почему с ним так любят репетировать? Потому что Соломин фантастически требователен. Интуитивное чувство большого актёра к актёру — общее свойство руководителей Малого, все они были личностями, выдающимися фигурами.

Он нормальный человек, и живёт не чужим умом, а так, как сам видит. Иногда он совершал неосторожную вещь — называл Малый театр музеем. Очень опасное слово. Театр никогда не может быть музеем. Приходят новые поколения, повторить на сцене ничего нельзя. Сам Юрий Мефодьевич не играет Фамусова так, как играл его предшественник Царёв. Бабочка на сцене, летает, сухощавый, с бриллиантовой звездой, Бог его знает, кто он. Совершенно другое решение, звучание, видение роли. Ничего себе верность традициям!

Фамусов. «Горе от ума» А.С.Грибоедова

Фамусов — действительно великолепное творение. А как хорошо работал Юрий Мефодьевич с итальянцем Стефано де Лука! Сколько было разговоров, как Соломин исполнит роль Доменико Сориано в «Филумене Мартурано» после Рубена Николаевича Симонова, после Марчелло Мастроянни?.. Он же сыграл совершенно по-своему — мужчину-дитя, аристократа, а не булочника. Доменико привык, что всё делается «по его» — и вдруг в доме восстание. И кто посмел?! Очень смешная, трогательная, человечная работа.

Вдобавок Юрий Мефодьевич ещё и красив — это тоже свойство актёров Малого театра. Они не выглядят руинами, они хороши на сцене в уже серьёзном возрасте.

Сегодня старые театры находятся в тяжёлой ситуации: одни только существуют, другие — решительно кончают с тем, что было, и «рвут нить», иногда совершенно неумеренно.

Соломина критикуют, кто-то им недоволен, кто-то его обожает. Но благодаря ему театр не потерял своего лица. Здесь реже выходят законченные постановки, о которых говоришь: «Ох, какой спектакль!», хотя пять-шесть в репертуаре имеется. Когда я кого-то приглашаю, то говорю: «Вот это — действительно шедевры!»

То же «Горе от ума» — спорная, но очень сильная постановка.

Замечательный «Ревизор», типичный для Малого театра, с грандиозным Городничим, которого уже нет в живых, Сашей Потаповым. Спектакль мастеров роскошной актёрской игры, роскошного интуитивного общения.

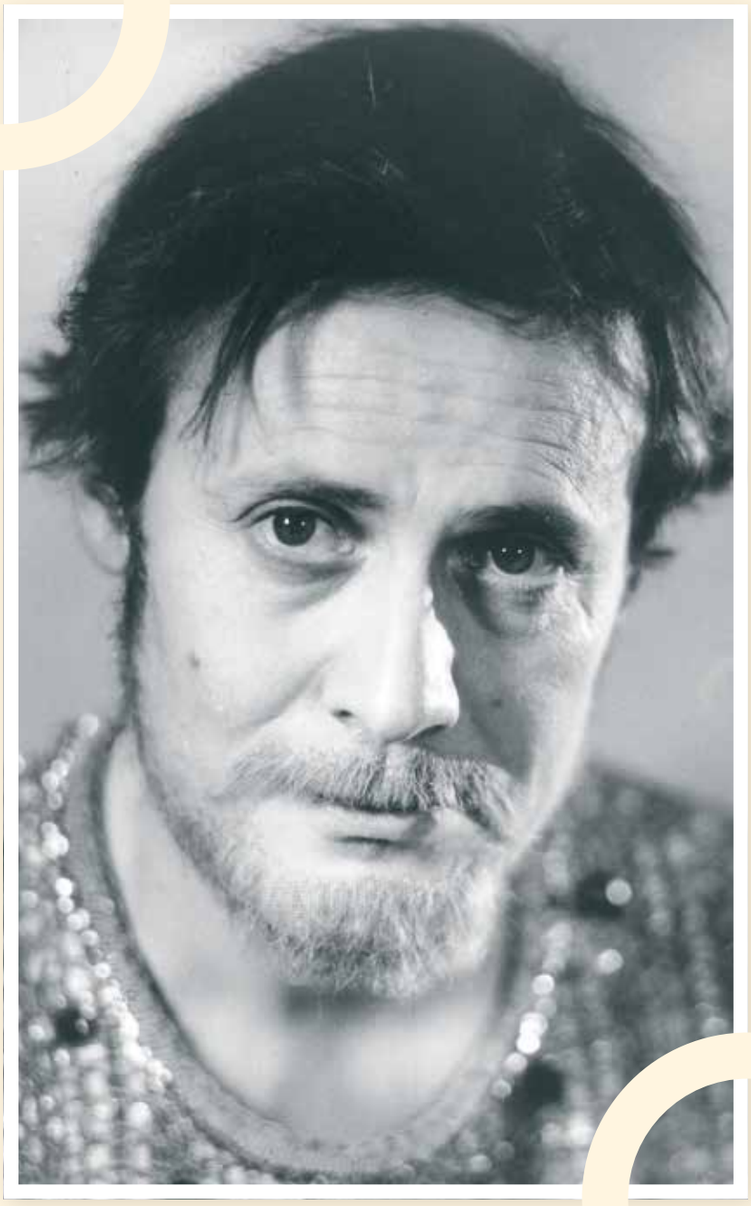
Очаровательная «Правда — хорошо, а счастье лучше». Это новый спектакль для Малого театра. Такой амплитуды красок, комедийного изящества здесь, пожалуй, и не бывало. Работали в стиле лубка, яркой комедийности, а вот этой акварельной игры не было.

И, конечно, шедевр — «Мнимый больной», ни у кого никогда не получавшийся. Хотите посмотреть комедию «дель арте», — идите на этот спектакль. Чистая импровизация. Так играют, так озоруют, так спокойно существуют все, начиная с Бочкарёва, продолжая Клюквиным — он замечательно исполняет роль, которая ни у кого не выходила. Я уже не говорю о наших женщинах: Жене Глушенко, Люде Титовой.

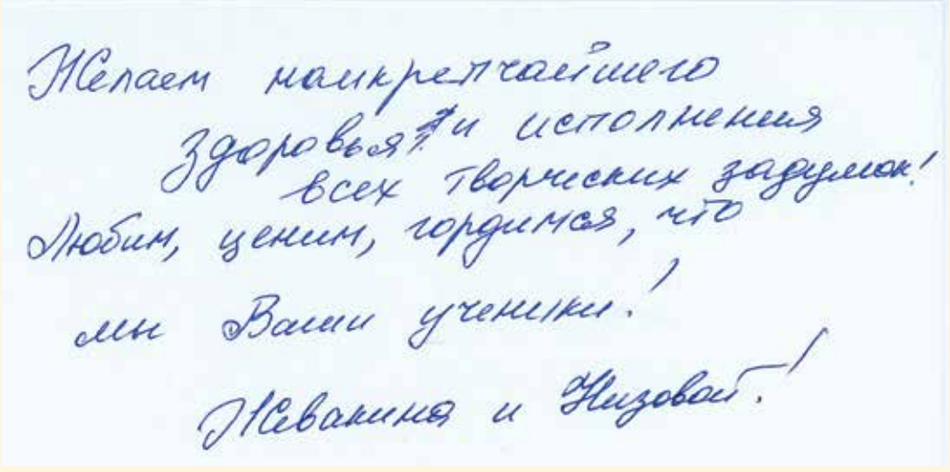
Это всё Соломин. Благодаря ему произошло соединение Малого и нового театра, представителем которого является Женовач. Соломин не такой уж «читарь» и интеллектуал, но интуиция, как у всех настоящих художников, у него сильнейшая. И то, как Юрий Мефодьевич контактирует с режиссурой, самой лучшей, которая приходит в Малый, доказывает, что это очень живой театр.

Меня часто спрашивают: «А что, его так сильно все обожают?» Нет, но все знают, что он значит для Малого театра. Очень существенная вещь — уметь руководить органически, при всех минусах, сомнениях и возражениях, которые есть. Люди боятся остаться без него. В Москве немного театров, где говорят: «Боже, только подольше! Продлись, продлись очарование!» Здесь именно так. Он сохранил Малый театр. Возможно, были времена более блестящие, хотя сегодня очень трудно блестяще существовать, прежде всего, с современным репертуаром — не может Малый театр ставить эту «физиологическую» литературу. У нас нельзя ни матом ругаться, ни зад голый показать. Это исключено. Сцена не пустит, выкинет, может, вековые доски вертикально встанут. Оттого упор делается в основном на классику.

Какие времена наступят, предугадать нельзя. Но, тем не менее, достоинство и лицо театра сохранены.



Царь Фёдор Иоаннович в одноимённой трагедии А.К.Толстого



Сергей Соловьёв
«БЕЗ МЕЛОЧНЫХ РАСЧЁТОВ»

Кинорежиссёр рассказывает, как благодаря Юрию Соломину стал театральным постановщиком

С Комаки Курихарой в х/ф «Мелодии белой ночи» (режиссёр Сергей Соловьёв, 1976 год)

Войницкий. Татьяна Друбич — Соня. «Дядя Ваня» А.П.Чехов

Встреча с Юрием Мефодьевичем оказалась непредсказуемой, серьезной и оставила во мне большой след. Со своей стороны, надеюсь, что, работая над постановкой в Малом, я «наследил» не особенно неприятно для театра. Во всяком случае, вспоминая об этом опыте, не могу сказать, что случившееся — эпизод, который то ли был, то ли не был, то ли прошел, то ли остался в памяти... Нет, та постановка, тот опыт стали для меня серьезным делом.

Какой срок! Смотрите-ка, Юрий Соломин тридцать лет — художественный руководитель Малого театра. Он, конечно, героический человек. Я с ним сначала был знаком по кино. Помню, как пригласил его в японскую картину «Мелодии белой ночи», которую снимал. Тогда мы и подружились. Позвал его не просто так, случайно увидев в коридоре. Знал, кто такой Соломин и что такое Соломины и по театру, и по кино. Меня всегда поражала в нем какая-то отчаянная смелость. Я понимал, насколько огромной, тяжеловесной махиной он управляет. Но я никогда не видел в Соломине расчета руководителя: вот сейчас нужно сделать так; потом мы сделаем вот это, а потом вот это, и т.д., чтобы в результате какие-то тайные генералы и генералиссимусы Малого театра остались довольными. В нем меня всегда поражала и радовала едва ли не авантюристическая художественная смелость и безоглядность, отсутствие мелочных расчетов. Вот это самое главное.

У него всегда хватало жизнеспособности и чувства юмора, для того, чтобы воспринимать все это живо, весело и естественно. И более того... Случалось становиться свидетелем каких-то неприятностей, всегда случавшихся по ходу дела в театре, которые Юрий Мефодьевич переносил, не могу сказать, что с легкостью. Мало радости, с легкостью переносить козни, исходящие от его же товарищей, его же друзей, с которыми проведено столько времени. Но его страха перед этими неприятностями я никогда не ощущал. Напротив, — ощущал такую мужскую упругую силу. Я бы сказал — художественную силу, и вообще, не побоюсь утверждать: самое главное, что есть у Юрия Мефодьевича, что дает ему нешуточную жизнеспособность, — это талант.

Можно говорить, что он — руководитель на своем месте или не на своем, что он понимает общественные нужды театра или не понимает таковых... Это все разговоры в пользу бедных, потому что Юрий Соломин, прежде всего, стопроцентный художник. Он понимает ситуации своих товарищей как художник. И вот эта художественная сила, которая проявляется в его актерских работах, она же озаряет — извините за такое высокое слово — весь его путь руководителя. И когда он руководит, и когда он ставит, и когда он играет сам, и когда он разговаривает с труппой, и когда ведет дела с отдельными людьми, и когда решает проблемы.

Удивлялся, просто боялся за него, когда на Соломина свалился немыслимый ремонт, реконструкция Малого (все мы помним, как тяжело шла реконструкция Большого театра). И в то же время я как-то и не боялся за все это дело в связи с наличием в нем того самого таланта. Как ни странно! Казалось бы, для таких дел нужен организатор, строитель, Петр I, мастеровой... Нет! Актер, который вырос в этих стенах, который знает запах кулис здесь, знает каждый кирпичик. Я как-то поверил сразу, что все кончится хорошо: в силу того, что, во-первых, все родное, а не чужое, во-вторых, все слеплено, организовано по принципу личной талантливости. Мы как-то привыкли говорить об этом едва ли не в последнюю очередь, что в корне неверно.

Соломину можно было сильно понервничать и усомниться в легкости принятых решений на мой счет. Он позвал ставить человека абсолютно «киношного». Я, кстати сказать, никогда в жизни не выдавал себя в Малом театре за человека, который глубоко понимает, что такое театральная режиссура. В том, как в силу своих возможностей, я влиял на актерский состав спектакля, тоже сразу предупредил, что «киношный», чтобы ко мне было снисходительное отношение. Собирал коллектив для «Дяди Вани» по принципу типажности, а не по принципу актерского списка с ранее сыгранными ролями. Я до сих пор с любовью вспоминаю Елизавету Солодову (актриса играла няню), которую знал опять же по кино, а не по театру. До сих пор с таким удовольствием вспоминаю всех актеров, которые были заняты у меня. Переживательно отношусь к Свете Амановой (актриса играла Елену Андреевну). Она — свершившийся человек, актриса, но судьбы, достойной ее, к сожалению, нет.

Поэтому мой первый разговор с Юрием Мефодьевичем начался с того, чего мне бы хотелось. Я сказал: «Хочу, чтобы в спектакле играли ты и Виталий». Конечно, я был наслышан о каких-то разногласиях между ними, что меня ни в коей мере не остановило. Понимал — передо мной две огромных человеческих личности, чего, собственно, достаточно для того, чтобы удержать огромный спектакль на огромной прославленной сцене. (Юрий Соломин играл дядю Ваню, Виталий Соломин — Астрова). Когда эти два человека, эти личности сойдутся, я уже не «завалюсь», никакой ерунды не случится. Долгое время мы даже застольный период не начинали. Меня спрашивали: «Когда мы уже сядем?» А я в кино никаких «столов» никогда не видел и как-то совсем не стремился к тому и даже время от

Репетиция спектакля «Дядя Ваня» А.П.Чехова

времени говорил: «А чего вы хотите, чтобы мы за этим столом делали?»

Оценивал себя как дилетанта в театре, плохо понимавшего, как должен двигаться спектакль, как вообще всё это должно жить. У меня был гениальный помощник — Валерий Яковлевич Левенталь, художник. По-настоящему я узнал, что такое театр как механизм, как игрушка, от него, он показал. Я спросил, а чего у нас такой мрачный задник, а он: «Да там пишут у нас фоны, фоны небес». Как-то он мне посоветовал прийти на два часа раньше — посмотреть «фоны небес». Я увидел одну из самых поразительных живописных выставок за всю свою жизнь. Декорации убраны — остались только «фоны небес», подсвеченные так, что я подумал: вообще ничего не нужно. Даже, грешно говорить, и артисты не нужны, — в «фонах небес» есть всё, весь Чехов.

Ведь завертел весь этот механизм Юра. Мало того, что завертел, так еще со всей мерой ответственности. В Малом очень хорошая дисциплина. Сомневаюсь, что все были в восторге, что он притащил из кино какого-то человека.

Случалось такое, от чего поседеть можно было. За месяц до премьеры отказалась играть девушка, которую я привел и уговорил, чтобы ее взяли, но она оказалась в положении и должна была рожать. У меня на такие случаи есть свои пожарные выходы. Позвонил Тане Друбич. Но опять же, это же — дикое решение: звать ее в Малый театр, она — врач, месяц до выпуска спектакля, играть со всеми титанами, занятыми в постановке. Юрий Мефодьевич должен был бы застрелить и меня, и Таню, и всех разом, но воспринял это спокойно. «Да, давай!», — сказал он, поскольку знал Таню по кино. Но ведь играть-то в Малом!!! Мы стали репетировать, и я сразу понял, что артисты, занятые в репетициях, ее (Татьяна Друбич играла Соню) приняли. Они работали судовольствием, не из-под палки. Не знаю, как сейчас, но тогда там была чудесная репетиционная синего цвета. Там мы практически сделали весь спектакль, который был готов к тому, чтобы встать на сцене. Я так говорю, а ведь Юрий Мефодьевич играл в нем главную роль — дядю Ваню. Он одновременно был человеком, который сделал все для моего приглашения, сам играл главную роль в спектакле и являлся художественным руководителем театра. То есть его мера ответственности лично для меня казалась немыслимой, и он так естественно, просто и нормально переносил всё это — мы даже судовольствие работали.

Настал период выходить на сцену. Тут случается целая истерика у Тани Друбич: «На эту сцену не пойду. Я зубной врач, а тут Ермолова играла!» И художественный руководитель театра Соломин слушал все эти разговоры, правда, не участвовал. Конечно, он мог бы и удушить Таню, и что-нибудь еще сделать, но нет, дослушал все разговоры до конца. Каким-то чудом я выпихнул Таню на сцену. Минут через двадцать выяснилось, что ее не слышно. В кино на нее вешали по четыре микрофона в каждой кинематографической роли, но в Малом делать подобное дико. Я стал орать: «Таня, говори!» С места на место переходить в зале. Юрий Мефодьевич как партнер, как руководитель театра при всем этом выдающемся маразме присутствовал и, конечно, он должен был бы психануть. Я понял бы, не обиделся никогда, если б он нас всех попер оттуда. Соломин все это слушал. И счастье мое и Юрино, что мы начали репетиции на сцене с Солодовой. Таня продолжала не говорить, премьера через две недели, небеса левенталевские сияли — все готово, но только Таня не говорит. Тут первый раз Юрий Мефодьевич сказал: «Сереж, эксперимент не удался. Провалился, ее не будет слышно никогда. Нет навыков говорения со сцены, это навык должен быть. Через две недели премьера, роль Сони надо отдать». На тот момент я даже не понимал, о чем он говорит.

Тут Солодова прервала свое молчание: «Пойдите куда-нибудь, пообедайте, объявите перерыв часа на два, а я с Таней тут попытаюсь позаниматься». И опять-таки вместо того, чтоб продолжать административную истерику — худсовет не примет, а я скажу честно худсовету, что мы хотели как лучше, а получилось как всегда, ситуация-то инсультная, — мы с ним спокойно пошли пообедать в ресторан столько, сколько велела Солодова. Вернулись. Я сел в шестой ряд, там, где и сидел, с чего начинал. Начали говорить, все слушали. Оказались как в сказке. Слышно. И Таня совсем не орала, ей просто Солодова рассказала про зал, как в нем надо говорить. У Тани способности есть, она быстро ухватывает, это киношная черта. Мы в тот день пошли пообедать еще раз. Такая гора свалилась с плеч.

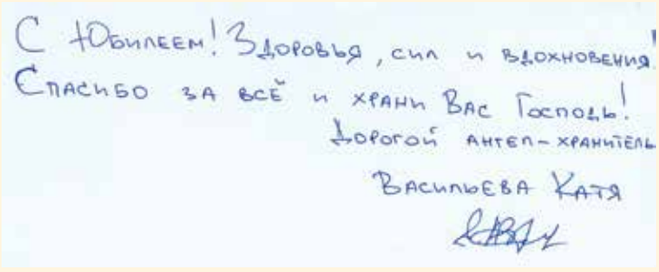
Вот это мне дорого в Юрии Мефодьевиче: творческая смелость, чувство партнера, невероятная талантливость, способность уверенно, сильно, по-мужски руководить театром. Все в этом эпизоде собрано.

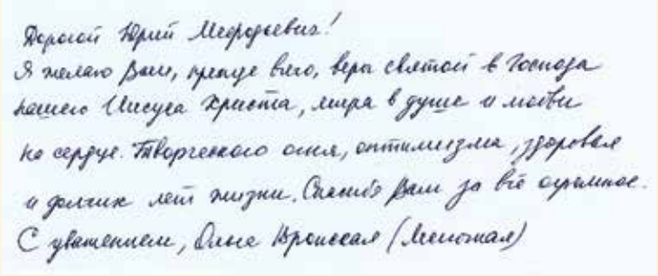
Потом они играли спектакль «Дядя Ваня» долго и играли бы до сих пор, если бы не трагическая история с Виталием Соломиным. Такое впечатление, что мы репетировали спектакль года три, хотя все это заняло меньше двух месяцев. Вот такие у меня наблюдения, очень радостные, меня во многом поменявшие.

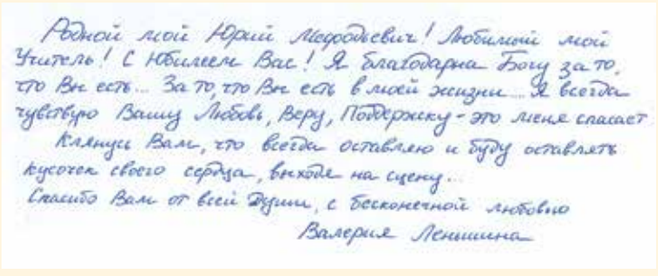
Я вдруг понял его безотчетную смелость. В кино всё по-другому. Вот пример моего руководства в кино. Мне как-то пришлось потащить Юрия Мефодьевича выбирать ботинки для главного героя «Мелодий белой ночи». Мы поехали в блатную контору, тогда же был Советский Союз — ничего не купить. Втроем поехали — я, Соломин и Георгий Иванович Рерберг, гениальный оператор. Юра походил-походил, потом пришел в каких-то ботинках и говорит: «Смотри, мне нравятся эти ботинки!» На что Рерберг, сверхталантливый оператор, но и сверхциничный человек, ответил: «Нравятся? Мне тоже нравятся, ими драться хорошо!» Вот такой уровень руководства был тогда в кино...

Записала Ольга Галахова

Войницкий. «Дядя Ваня» А.П.Чехова







ЛЕС РУК

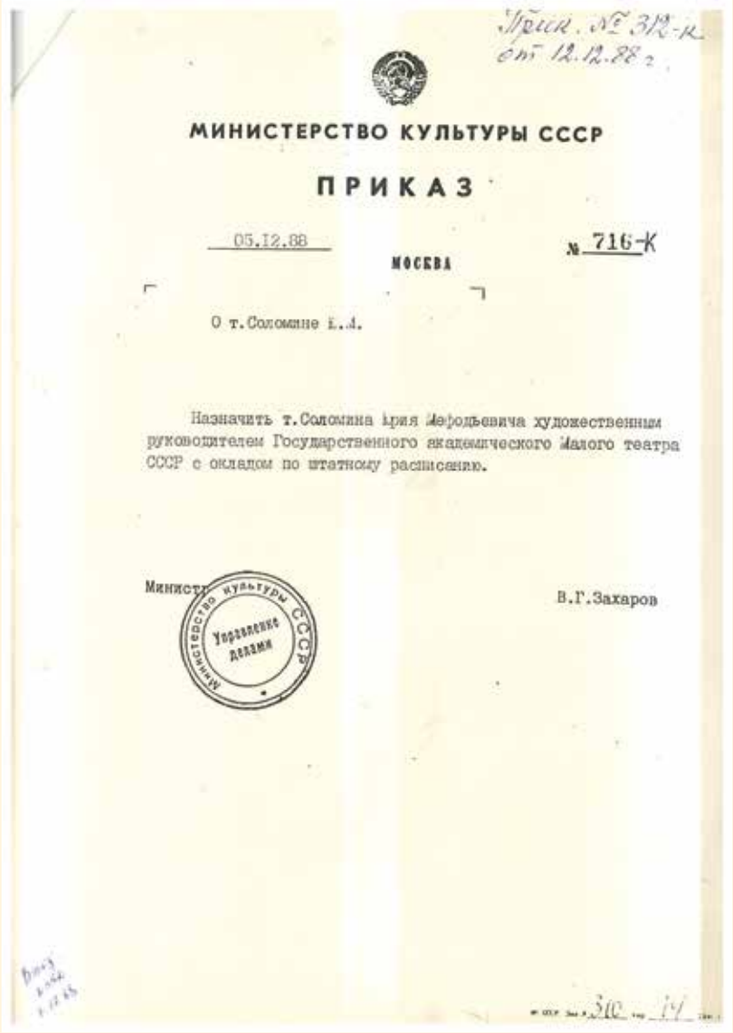
О том, как проходило избрание, рассказывает режиссёр-постановщик Владимир Бейлис

Евгений Самойлов

До избрания — считанные минуты. Слева направо: Юрий Соломин, Виктор Коршунов, Владимир Бейлис и комсорг Малого театра Кирилл Дёмин

Выступление кандидата в худруки

Прежде чем говорить о самом собрании, надо сказать несколько слов об атмосфере, которая царила в театре 30 лет назад. 10 ноября 1987 года умер Михаил Иванович Царёв. Уход такого деятеля — событие эпохальное. До его смерти в руководстве театра сложился триумвират: художественный руководитель — Царёв, директор — Виктор Иванович Коршунов и главный режиссёр — Владимир Алексеевич Андреев.



Прик. № 312-к
от 12.12.88 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ПРИКАЗ

05.12.88 № 716-К

МОСКВА

О т. Соломине Ю.М.

Назначить т. Соломина Юрия Мефодьевича художественным руководителем Государственного академического Малого театра СССР с окладом по штатному расписанию.

Министр культуры СССР В.Г.Захаров

Министерство культуры СССР Управление делами

Андреев в тот период поставил довольно интересные спектакли, например, «Ивана» А.Кудрявцева, «Выбор» и «Игру» Ю.Бондарева. В труппе, конечно, были и его сторонники, и артисты, которые не принимали режиссуру Владимира Алексеевича. Но при главенстве Царёва противостояния как такового не получалось, Михаил Иванович его нивелировал.

Кроме того, в те годы существовал художественный совет. И спектакль «Гости» Л.Зорина, поставленный тем же В.А.Андреевым с В.И.Коршуновым в одной из главных ролей, этот худсовет на заседании в Киеве, где были гастроли, разнёс в пух и прах. Даже сторонники Андреева промолчали. В результате 30 сентября 1988 года Андреев покинул свой пост и перешёл в Театр им. М.Н.Ермоловой. Мы же остались на попечении Коршунова — без художественного руководителя и главного режиссёра, то есть без лидера. Назрели выборы!

Для того чтобы провести общее собрание, нужно было оповестить весь коллектив, чем занимался я как председатель профкома, а также члены худсовета. Кандидату требовалось набрать 50% + 1 голос. Во избежание вопросов со стороны Министерства культуры СССР мы написали Устав театра, где было сказано, что художественного руководителя назначает коллектив.

Кандидатура Юрия Мефодьевича Соломина представлялась наиболее очевидной: в начале 1988 года он получил звание народного артиста СССР, был членом художественного совета, всенародно любимым актёром. По моему мнению, альтернативы Соломину не существовало. Незадолго до своей кончины М.И.Царёв предлагал ему «порулить» Малым театром (такие разговоры ходили в гримёрках). Крепкое и сильное среднее поколение артистов было настроено голосовать за Соломина, не говоря уже о мастерах старшего возраста (Нифонтовой, Самойлове и других). Общаясь с ними, я понимал, что они готовы выступить единым фронтом за своего кандидата. Так и получилось.

Собрание, которое я вёл, проходило в большом зале, длилось долго, несколько часов. Эмоции зашкаливали. Некоторые не выдерживали и кричали с места, отстаивая своё мнение. В театре была демократия, все говорили темпераментно и свободно. Звучали очень горячие выступления в защиту Юрия Мефодьевича, но на сцену поднимались и те, кто не поддерживал его кандидатуру. Соломин не вступал в прения, он выступил уже после голосования, которое было открытым (хотя некоторые коллеги настаивали на тайной процедуре, но это предложение было отвергнуто собравшимися). И вот подошёл самый ответственный момент. «Кто за то, чтобы художественным руководителем Малого театра стал Юрий Мефодьевич Соломин? Прошу поднять руку!», — сказал я и посмотрел в зал. Поднялся лес рук! Стали считать голоса. Процесс был долгий. Подавляющее большинство проголосовало за Соломина, единицы были против. И с 5 декабря, когда вышел приказ по Минкульту, Юрий Мефодьевич был назначен на новую должность, которую он занимает по сей день.

Записал Максим Редин

Любимый Юрий Мефодьевич.
Вы наш лучик света, который дарит нам каждый день столько тепла и энергии, добра, позитива и искренности! Душевной вам гармонии и новых свершений!
Маша Серёгина.

Юрий Мефодьевич! Вы – Великий человек!
Спасибо Вам за бесценный вклад в мою судьбу и мою душу! Спасибо! Люблю тебя! С Юбилеем!
Стас Сошников

Спасибо за то, что научили нас не обманывать себя, не боясь говорить и делать то, что думаем.
Муравьёва Аполлинария.

Тригорин. «Чайка» А.П.Чехова

С большой благодарностью!
Поздравляю и желаю здоровья Вам и Вашим близким.
Творческих успехов и чтоб ученики Вас только радовали.
С огромным уважением
Скиба Таня.

Уважаемый Юрий Мефодьевич!
Дорогой наш УЧИТЕЛЬ!!
Пусть всё содержание Вашего труда имеет продолжение в памяти, умах и сердцах учеников, а ученики своим мастерством, приобретённым благодаря Вам, радуют и просвещают зрителей!!!
Ваши Василий Дахненко, Инесса Рахвалова.

Владимир Дубровский: «Свою программу он выполнил»

— Давайте для начала напомним нашим читателям, почему возникла необходимость в новом худруке?

— В 1988 году Малый театр возглавляли главный режиссёр Владимир Алексеевич Андреев и директор Виктор Иванович Коршунов. Андреев поставил спектакль «Гости» Леонида Зорина, который вызвал критику внутри коллектива, на обсуждении все высказались очень негативно. После чего Владимир Алексеевич из театра ушёл. Возник вопрос, что же будет дальше. Руководителей Малого театра никогда не выбирали, их всегда присылали извне. Я не умаляю значения этих художников, они очень интересные режиссёры, но у нас не прижился ни Илья Яковлевич Судаков, ни Борис Иванович Равенских, хотя оба вошли в анналы театральной истории. Так же как Владимир Алексеевич Андреев. Всё это были пришлые люди, не выращенные в Малом театре. Поэтому в закулисье начались разговоры, что нужен «свой» человек. И все сошлись на том, что это должен быть Соломин.

— То есть нельзя сказать, что его выдвинул кто-то один, идея носилась в воздухе?

— Да. Юрий Мефодьевич уже в 19 лет, со студенчества, выходил на сцену — он впитал переданные стариками традиции Малого театра. К 1988 году альтернативы Соломину не было. Хотелось своего, который знает всех от «а» до «я», кто чего стоит, у кого какие проблемы — от творческих до бытовых, кто когда пришёл, знает историю театра. В зрительном зале состоялось собрание, выступали люди среднего, старшего поколения, тогдашняя молодёжь оказала Соломину большую поддержку.

— А голосовать имели право все члены коллектива или только творческий состав?

— Вот таких нюансов я не знаю, но присутствовали все, был полный зал. Голосование проходило открыто. Я думаю, что поднимали руки и технические работники.

— Соломин был единственным кандидатом?

-Да, рассматривался только он один. Юрий Мефодьевич получил голоса почти 100% творческого состава за очень маленьким исключением, помоему, человек 5 — кто-то был против, кто-то воздержался… Заметьте, что Соломин — единственный за всю историю Малого театра избранный худрук.

— Давайте остановимся на этом подробнее. Вы уже упоминали, что руководителей Малого всегда назначали «сверху». Каким же образом театру удалось избрать худрука? Это что, своего рода бунт — коллектив просто поставил министерство перед фактом?

— Его же потом утвердили. В брежневскую эпоху, когда министром культуры был химик, такое вряд ли бы произошло, поскольку все решения принимались на уровне Политбюро. Малый театр — настолько лакомый кусок, что несколько человек всегда претендовали на руководство. Но это был 1988 год, демократия — уже не заскорузлое советское время и ещё не сегодняшний день. Абсолютно в духе тех лет — собрание, возникшее в недрах театра из опасения, что пришлют «инородное тело». Имейте в виду, нас было 600 человек. Даже в Императорском театре вопрос о руководителе решала Контора, состоявшая из своих — Островский, Теляковский… Если бы мы выбрали, грубо говоря, Пупкина, то могли возникнуть сомнения. Но Соломин — популярнейший, снимающийся актёр, общественно-значимая фигура. Очень важно, что его знала страна. Надо сказать, что Михаил Иванович Царёв, когда плохо себя чувствовал, просил Юрия Мефодьевича представлять театр на разных государственных мероприятиях — возможно, подспудно он имел в виду фигуру Соломина.

Руководство Малого театра всегда назначалось бессрочно, так работали и Царёв, и Равенских. Договоры появились только в нынешнее время. Руководители были штатной единицей Малого театра, они имели зарплату и работали пожизненно — или поскандально. Прецеденты случались — опять же, изнутри. Директор, худрук либо главный режиссёр мог уйти, только если восстанет коллектив или произойдёт что-то экстраординарное. Снимали Равенских, Царёва, Евгения Рубеновича Симонова перекидывали на Вахтанговский театр, Судакова выжимали и выжили старики и старухи, которые не принимали его мхатовской школы.

— Была ли у Юрия Мефодьевича программа?

— Была, но не выписанная на бумаге, а изложенная на словах. Подводя итоги этих 30 лет, могу сказать, что он свою программу выполнил. Мы переживали ремонт филиала, закрытие основной сцены, огромные финансовые трудности. Но Соломин обещал и выполнил на все 100%: ни у одного человека волос с головы не упал. Хотя существует балласт, люди могли сезонами не выходить на сцену — Юрий Мефодьевич никого не тронул. Это первое. Второе. Он сохранил репертуар. Более того, возобновил ряд спектаклей — например, «Вишнёвый сад» Ильинского, который идёт до сих пор. При Соломине была поставлена целиком драматическая трилогия А.К.Толстого. Все 30 лет Юрий Мефодьевич старается держать курс на русскую классику. Это его кредо. Он не препятствует съёмкам, только всё время переживает, чтобы внимательнее выбирали проекты. Молодым актёрам, получающим низкие зарплаты, это даёт возможность подкормиться. А если брать Клюевых, Муравьёвых и Невзоровых, съёмки работают на имидж театра.

Что ещё сказать? Я, Владимир Алексеевич Дубровский — однолюб. У меня скоро золотая свадьба. И 30 лет со дня избрания Юрия Мефодьевича Соломина… Одна жена — один художественный руководитель.

— Художественных руководителей у Вас всё-таки было больше!

— Это, как говорится, случайные связи.

Беседу вела Ольга Петренко

Фамусов, Владимир Дубровский — Загорецкий, Полина Долинская — Софья, Виктор Низовой — Скалозуб

Николай Второй. «И аз воздам» С.Кузнецова

Дорогой, Юрий Мефодьевич!!!
Спасибо, что дали мне - Профессию.
Спасибо, что были со мной и в
горе и в радости!!!
Живите - долго!!!
С любовью.
Искренне Ваш
Сергей Ермилов.

Дорогой Учитель! Драгоценный,
уважаемый человек! До сих пор робею
перед Вами!.. Спасибо огромное за всё!!!
Наташа Жук (Фемидова)

Лист ожидания Людмилы Поляковой

Юрий Мефодьевич Соломин — человек моей судьбы, которую, так случилось, он дважды определил. Если бы он не сделал этот поворот, то я, наверное, была кем-то другим.

Первый крутой поворот произошел, когда мне уже исполнился 21 год, то есть все нормальные люди в это время уже заканчивают училище, а я тогда — ни сном, ни духом, мне такое даже в голову не приходило.

На Неглинной улице рядом с нотным магазином находился знаменитый трест Главгаза СССР, где я к тому моменту работала секретарем, машинисткой-стенографисткой со знанием французского языка. Училась на подготовительных курсах, собиралась поступать в иняз. Мечтала стать переводчиком с французского, потому что с детства, благодаря Анатолю Франсу, Генриху Манну была влюблена в своего кумира — короля Генриха IV. Все свои интересы подчинила Франции. Поисков было много, но все-таки я определилась и сказала себе: «Вот, значит, оно будет так».

Подчеркну, что работала на Неглинной улице, на месте выстроенного сейчас огромного отеля «Арарат Хайята». Там же приютился маленький магазинчик, в котором — в Москве таковые только-только появились — стояли аппараты кофе эспрессо. Мы, стенографисточки-машинисточки, конечно, туда бегали, полагая, что приобщаемся к какой-то западной шикарной жизни. Пьем эспрессо, хотя денег особых нет.

Девушка я была романтическая. Любила в сумерках бродить по Москве, читая стихи, которых знала множество. Однажды, попив кофе, возвращаюсь, и вижу на здании Щепкинского училища объявление: набирают студентов на вечернее отделение. Поскольку я принадлежала малоимущим слоям населения, поэтому и работала с шестнадцати лет и окончила школу рабочей молодежи, то эта информация меня заинтересовала. По-моему, тогда единственный раз набирали на вечернее отделение, и подумала, а почему бы не попробовать. Думаю, пойду — почитаю им стихи.

Помню, читала им поэзию Дмитрия Кедрина — сейчас ни строчки не вспомню, а тогда он был очень узнаваемый поэт.

Почему Юрий Мефодьевич оказался на этих прослушиваниях?! К тому моменту они с Коршуновым уже набрали себе первый дневной курс. Почему он туда зашел?!

После моего прослушивания он побежал к руководству и говорит: «Там такая девка, такая девка, надо брать!» Его убеждают, что, мол, поздно. Как зачислять, когда все вступительные экзамены прошли?!

Не знаю, каким образом Юрий Мефодьевич убедил и какие усилия предпринял, чтобы меня зачислили не на вечерний, а на дневной курс. Это по сию пору осталось для меня тайной.

Итак, первого сентября я пришла учиться в Щепкинское училище. Наши руководители курса, понимая мое реальное материальное положение, а также зная, что стипендия не велика, еще давали мне возможность какой-то подработки. А уже со второго курса я получала именную стипендию Хмелева. Потом, уже будучи молодой артисткой, получала значительно меньше, чем в училище. Вот такая история! Юрочка стал моим педагогом.

Соломин и Коршунов тогда были молодыми педагогами. Юра ведь старше меня на какие-нибудь три-четыре года, Витя — чуть постарше. Они учили нас собой (на своем примере). Мы видели молодых, красивых, задорных, обаятельных людей, и мы понимали, стоит нам сделать какое-нибудь небольшое усилие, и мы станем точно такими же. Мы прекрасно «выпустились». Вся жизнь раскрывалась, все театры приглашают — кроме Малого, что называется, бес попутал. В тот момент туда главным пришел Евгений Симонов.

Учитель и ученица на первой читке пьесы «Дальше — тишина» В.Дельмар

И нас, меня и Васю Бочкарева — сейчас трудно такое представить — поставили в лист ожидания. Евгений Симонов тогда взял много своих, щукинцев. А из наших на тот момент пригласили в труппу Машу Велихову, поскольку у нее папа был Велихов, и красавицу Иру Вавилову, потому что Евгений был в нее немножко влюблен. А я пошла «путешествовать», и на какой-то период прервала прямое общение с Малым театром.

Юрий Мефодьевич — фантастическая натура, в нем заложено такое благородство, порода, талант. И все это — в одном человеке. Уж я не говорю про такую роль в фильме как «Адъютант его превосходительства», но даже о каких-то небольших ролях, в которых все равно чувствовалась порода, стать.

Какое-то время я проработала довольно успешно в театре Станиславского: ставили спектакли с Варпаховским, потом пришел Анатолий Васильев, с которым мы стали строить театр, но как всегда бывает, сказка закончилась. Я ушла сознательно, ушла сама, потому что я не могла терпеть унизительного положения в театре Станиславского. Мы с Васильевым проехали по Европе. Джульетта Мазина руку целовала, нас принимал папа Иоанн Павел Второй. И когда мы вернулись, будто ничего и не было. В тот момент появился какой-то проект киностудии Горького. Наступил тот самый второй поворот, еще один перст судьбы. Повторюсь, я могла бы стать совсем другим человеком, если бы не Соломин. Итак, какая-то киношка в студии Горького. На киносъемках за соседним гримерным столиком сидел узеркала Юрий Мефодьевич. Разговорились, я ему сказала, что вот ушла от Васильева, и вот появилась подработка, хоть есть чем подкормить семью, — на руках маленький ребенок. И вдруг он мне говорит: «А в Малый?» На тот момент существовали еще худсоветы, месткомы, парткомы. Это же еще при Советском Союзе было, на рубеже 1989-1990-х годов. Как он все провернул, точно также как с училищем, не понимаю. Словом, через два дня я уже была в Малом. Вот этот поворот утвердил меня в моем качестве, и я поняла, это — мой дом. И не нужно было мне больше никаких поисков. Я хочу играть, хочу играть Островского, хочу играть Гоголя, хочу играть Грибоедова.

При этом, дав место работы, он не оставил меня. Я-то была согласна на все: на руках маленький ребенок, больная мать. Радовалась тому, что мне дали этот кусок хлеба. Ведь речь идет о начале 90-х. Буквально на второй год моего прихода в Малый я уже играла в «Недоросле», в «Дядюшкином сне», в «Волках и овцах».

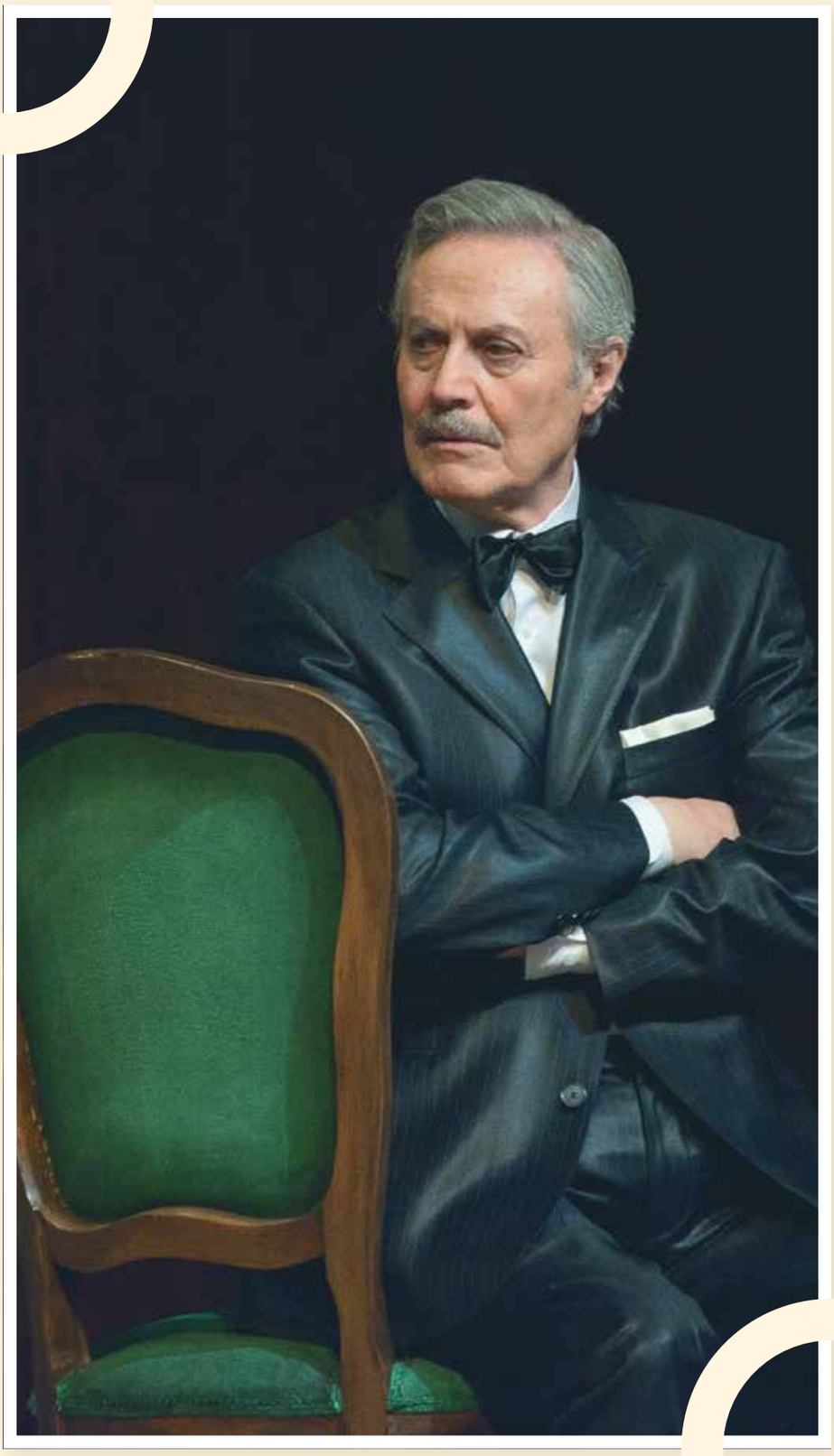
Мой путь к старухам Малого сложился благодаря Юрию Мефодьевичу. Поэтому его я считаю своим ангелом-хранителем, человеком моей судьбы, которому безумно благодарна за то, что он, как посланец, который должен был меня куда-то направить.

Мы выпустили с ним «Ревизора», «Женитьбу». Сейчас репетируем «Дальше — тишину», он такой трогательный. Я стараюсь оберегать его, не обидеть, но, тем не менее, хочется свое что-то найти.

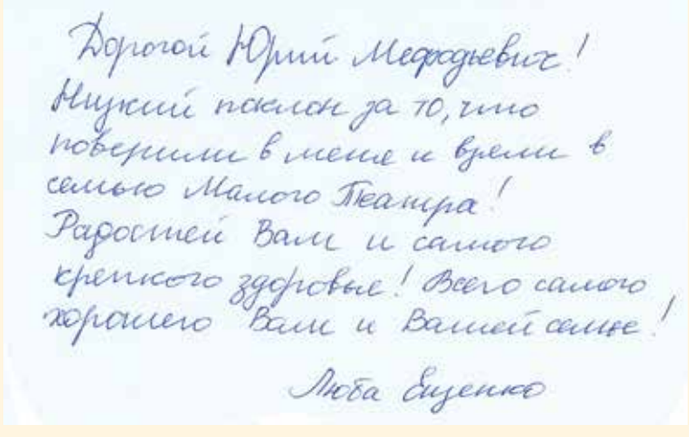
Юрий Мефодьевич просто взял мою судьбу в свои руки. Я безумно благодарна тому, что в моей жизни есть этот человек. Радуюсь общению с ним. Я единственная, кто с ним целуется. Он знает, что моя благодарность искренна, он же тонко все чувствует, все нюансы примечает.

Поэтому он даже не обижается, когда я говорю: «Нет, так я не буду делать! Что вы меня дрессируете?» «Хорошо, делай, как хочешь», — отвечает мой учитель.

Записала Ольга Галахова



Доменико Сориано. «Филумена Мартурано» Э. де Филиппо


Дорогой Юрий Мефодьевич!
Низкий поклон за то, что
поверили в меня и взяли в
семью Малого Театра!
Радостей Вам и самого
крепкого здоровья! Всего самого
хорошего Вам и Вашей семье!
Люба Буренко

Борис Клюев: «МЫ ТОГДА ВЫСТОЯЛИ»

Время было тяжелое для страны, для театра. Никто не знал, что делать и как жить. Перед Малым был рынок: продавали одежду, какое-то шмотье. В самом театре было непросто, нужны были срочные перемены. И вот на одном из общих театральных собраний подняли вопрос о новом руководителе. Людей было очень много — все кричали, обсуждали, — но лидеров мало. Юрий Мефодьевич Соломин был одним из главных претендентов. Молодой, энергичный, умеющий говорить правду — все это влияло на его авторитет в театре. Поэтому, когда возник вопрос о художественном руководстве, появилась кандидатура Юрия Соломина, за которого после небольшого обсуждения проголосовал весь коллектив.

Я помню, как Нифонтова спросила Соломина: «Какая у тебя программа?» И он ей ответил: «Какая программа?! Нужно спасать театр, вот моя программа». Так все и началось. Мы избрали руководителя и ждали, сможет ли он удержать театр на фоне изменяющейся ситуации в стране и культуре. Василий Лановой однажды сказал: «В это сложное время Малому лучше всего: у них есть Островский – они строят на нем репертуар». Мы тогда выстояли. И вот Юрий Мефодьевич трудится на протяжении уже 30 лет. И дай Бог ему крепкого здоровья!

Записала Дарья Антонова

Мольер, Борис Клюев — Людовик XIV. «Мольер» («Кабала святош») М.А.Булгакова

Людмила Титова: «СОЛОМИН ДЕЛАЕТ СТАВКУ НА КЛАССИКУ — И ВСЕГДА ВЫИГРЫВАЕТ»

30 лет назад руководитель моего курса в Театральном училище им. Щепкина, мой учитель Юрий Мефодьевич Соломин стал художественным руководителем Малого театра.

За эти годы Юрий Мефодьевич собрал очень сильную команду. По его приглашению в Малый театр пришла Вера Анатольевна Максимова — выдающийся театровед, театральный критик, историк театра, защитница русского психологического театра, которая многие годы была заместителем художественного руководителя и боролась с несправедливыми нападками на Малый театр. В это время Григорий Яковлевич Гоберник становится заместителем Юрия Мефодьевича по музыкальной части. Много ставят режиссеры Владимир Михайлович Бейлис и Виталий Николаевич Иванов.

Юрий Мефодьевич приглашает новых режиссеров. Борис Морозов пришел в театр, и первая же его постановка, «Леший» по пьесе А.П. Чехова, имела большой успех. Мы объездили много городов в Советском Союзе и много стран, и везде был необыкновенный прием. Сергей Женовач выпустил в Малом театре три спектакля. Они все находятся в репертуаре и любимы зрителем. По приглашению Соломина у нас работали и продолжают ставить режиссеры из Европы, Израиля, Америки.

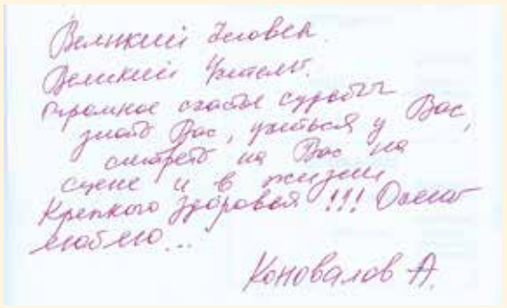
С Юрием Мефодьевичем мы пережили несколько капитальных ремонтов здания Малого театра и благодаря ему вернулись на историческую сцену.

Что до его репертуарной политики, то Соломин всегда делает ставку на классику — русскую и зарубежную — и выигрывает.

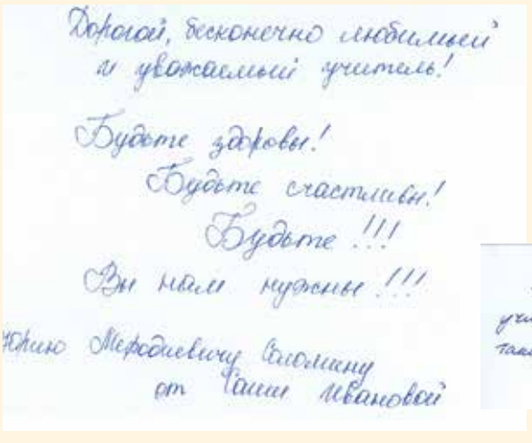
И я желаю Юрию Мефодьевичу здоровья, долгих лет и оставаться верным своим принципам.

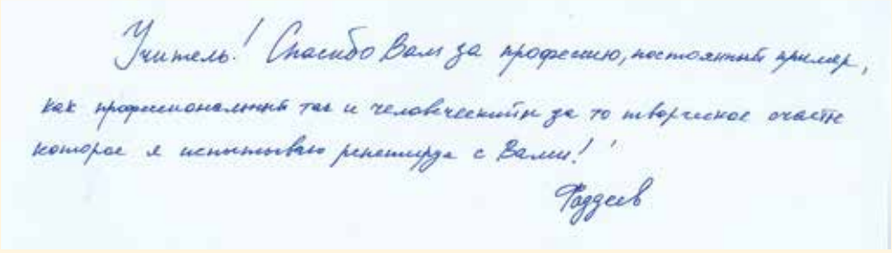
Записала Дарья Антонова

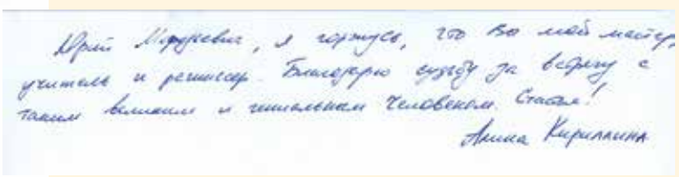
Царь Фёдор, Людмила Титова — царица Ирина. «Царь Фёдор Иоаннович» А.К.Толстого



Мольер в одноимённом спектакле по «Кабале святош» М.А.Булгакова







Василий Иванович Бочкарёв: «Солдат, который дошёл до фельдмаршала»

Мне повезло в жизни, я знаю Юрия Мефодьевича почти 60 лет, и 30 из них он является худруком. Всегда удивлялся тому, как в нем сочетаются великий актер и сильный руководитель.

Старики говорили, что Малый театр — это большой корабль, пока мы его развернем направо, пройдет много времени, налево — то же самое, так что надо идти вперед. Тридцать лет назад мы выбрали своего капитана, и корабль идет вперед.

Маршрут, который выбрал Юрий Мефодьевич, был заложен еще стариками Малого театра, которые тогда, тридцать лет назад, все проголосовали за него. Юрий Мефодьевич обладает очень важным качеством — он умеет оборачиваться назад, на традиции, на звучание русского слова, творческого эха, которое идет из глубин театра. Он любит вглядываться в лица наших актеров, своих учителей — в те фотографии, что висят в коридоре около его кабинета. Соломин принял традиции великих руководителей, а для этого надо быть не просто артистом — надо быть дипломатом.

Юрий Мефодьевич часто говорит, что старики воспитывали своим примером. Но заставить человека получать знания невозможно, можно только самому захотеть учиться. И вот он учился. Он многое взял у каждого из них и, в свою очередь, как благодарный ученик передает эти знания дальше.

Есть знаменитая фотография Веры Николаевны Пашенной со студентами. И на ней она протягивает Соломину руку. Мне кажется, Вера Николаевна, великая русская актриса, уже тогда знала, какое будущее ждет этого мальчика.

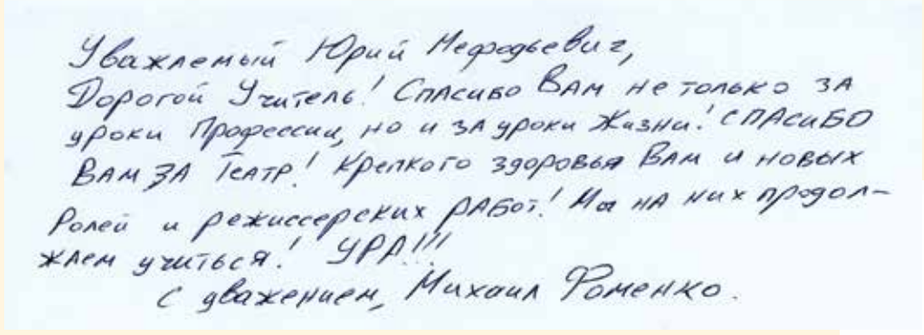
Вместе с тем Юрий Мефодьевич — государственный человек. При всей его департаментской работе на протяжении тридцати лет, сохранить человеческое сердце, и не просто сохранить, а быть в профессии, оставаться блестящим артистом, педагогом, режиссером, — это невероятно сложно, но у него получается. Он — если использовать военный термин — «при эполетах». И как в нем под этими эполетами существует отзывчивая душа, бьется горячее сердце, пульсирует живой нерв. Он сумел сохранить человеческую эмоцию — радости, сострадания — и пронес ее через всю жизнь. Я был с ним в Чите и видел, насколько близко он воспринимает эмоции по сути чужих ему людей. Жизнь, которую судьба приготовила ему, он сопоставляет с тем, как живут люди в его родном городе, где он мог остаться, повернись все немного по-другому — если бы Вера Николаевна Пашенная не допустила его до экзамена, не поверила бы, а отправила домой с отцом.

Василий Бочкарёв со своими педагогами Виктором Коршуновым и Юрием Соломиным

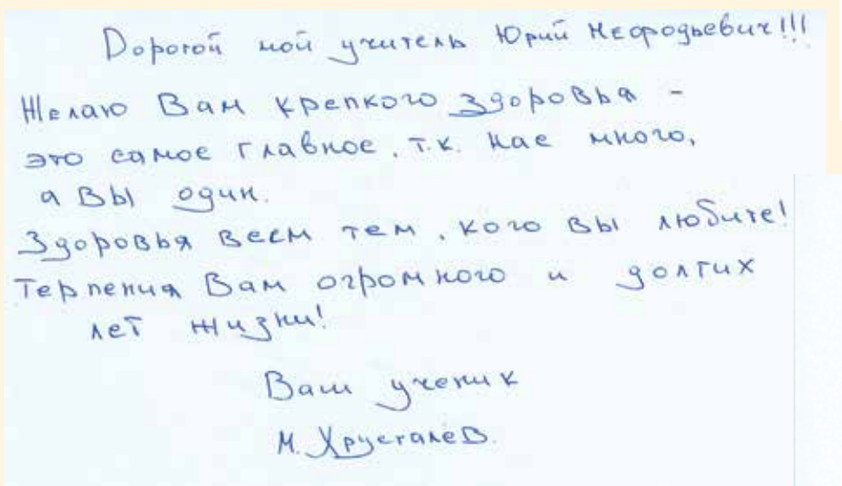
И все, что он имеет в жизни сейчас, он сделал своими руками, без протекции, без продвижения. Он тот самый солдат, который дошел до фельдмаршала.

Я вот могу сравнить Юрия Мефодьевича с другим руководителем Малого театра — Александром Павловичем Ленским, про которого Мейерхольд в свое время говорил, что он имел легкую манеру игры. Вот и Соломин «легкий» — везде, в каждой роли живой и разный.

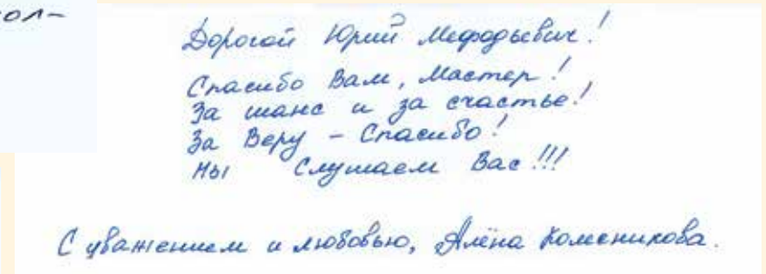
А главное — у Соломина есть своя команда. Вот один пример. Это было давно, на поминках. Юрий Мефодьевич говорил какие-то слова, вдруг — спазм в горле, и он, обернувшись к нам, сказал: «Поддержите меня». Это дорогого стоит — его к нам отношение, и я надеюсь, что он понимает, что и наше к нему — такое же.



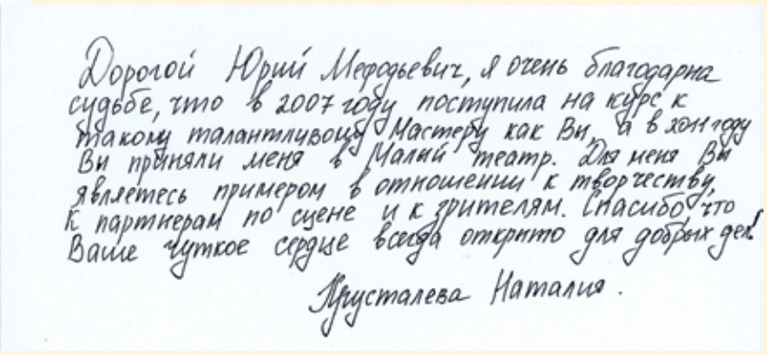
Уважаемый Юрий Мефодьевич,
Дорогой Учитель! Спасибо Вам не только за уроки Профессии, но и за уроки Жизни! СПАСИБО ВАМ ЗА ТЕАТР! Крепкого здоровья Вам и новых Ролей и режиссерских работ! На них продолжаем учиться! УРА!!!
С уважением, Михаил Роменко.



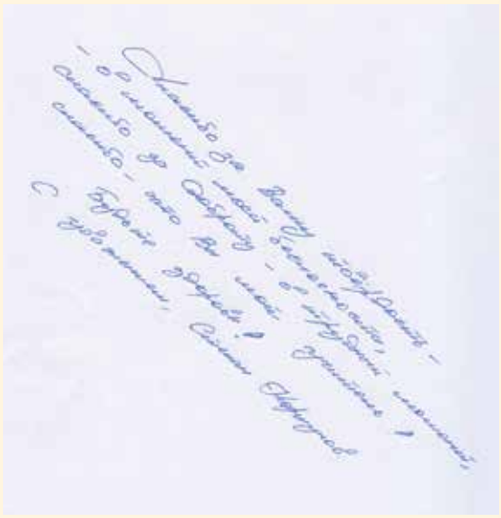
Дорогой мой учитель Юрий Мефодьевич!!!
Желаю Вам крепкого здоровья — это самое главное, т.к. как много, а Вы один.
Здоровья всем тем, кого вы любите!
Терпения Вам огромного и долгих лет жизни!
Ваш ученик
М. Хрусталев



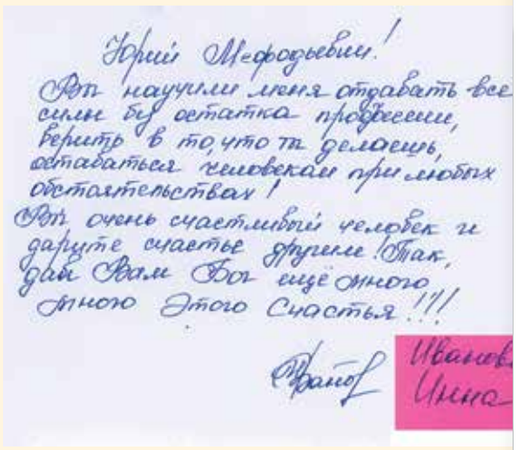
Дорогой Юрий Мефодьевич!
Спасибо вам, Мастер!
За шанс и за счастье!
За Веру — Спасибо!
Мы слушаем Вас!!!
С уважением и любовью, Алёна Хомякова.



Дорогой Юрий Мефодьевич, я очень благодарна судьбе, что в 2007 году поступила на курс к такому талантливому Мастеру как Вы, а в 2011 году Вы приняли меня в Малый театр. Для меня Вы являетесь примером в отношении к творчеству, к партнерам по сцене и к зрителям. Спасибо, что Ваше чуткое сердце всегда открыто для добрых дел!
Хрусталева Наталия.



Дорогой мой учитель!
Горжусь, что судьба
связала меня с вами.
Спасибо за то, что вы
есть.
Олег Щиголев



Юрий Мефодьевич!
Вот научили меня отдавать все
силы без остатка профессии,
верить в то, что ты делаешь,
оставаться человеком при любых
обстоятельствах!
Вот очень счастливый человек и
дарите счастье другим! Так,
дай Вам Бог еще много
много Этого Счастья!!!
Иванов
Инна

Хлестаков. «Ревизор» Н.В. Гоголя

Дорогой Юрий Мефодьевич!
Говорят, души детей, глядя с небес,
выбирают себе родителей...
Увидев Вас в 4 года в роли Аркашки,
я выбрала себе наставника,
полюбив Вас всем своим детским
сердцем! Спасибо Вам, что, спустя
14 лет, Вы выбрали меня в свои
ученицы, что и определило мою
судьбу! Вы подарили миру еще
одного счастливого человека!
С уважением,
Оля Пашкова.

Юрий Мефодьевич!
Я вас очень люблю. Вы - мой учитель.
Спасибо вам за "Анютку".
С огромной благодарностью
и уважением,
ваша ученица
Лида Милошина.

КАССЫ ТЕАТРА
открыты ежедневно с 10.00 до 20.00

ОСНОВНАЯ СЦЕНА
Театральный проезд, д. 1
м. Театральная
Тел.: (495) 623-26-21

СЦЕНА НА ОРДЫНКЕ
ул. Большая Ордынка, д. 69
м. Добрынинская
Тел.: (499) 237-31-81
Перерыв с 15.00 до 16.00

МЕМОРИАЛЬНАЯ КВАРТИРА
А.И. СУМБАТОВА-ЮЖИНА
Большой Палашёвский пер., д. 5/1
м. Тверская, Пушкинская
Тел.: (916) 879-84-90

Информация и бронирование билетов (495) 624-40-46, (499)237-31-81 и WWW.MALY.RU

УВАЖАЕМЫЕ ЗРИТЕЛИ!
Теперь вы можете покупать билеты
на наши спектакли
на официальном сайте
WWW.MALY.RU, без наценки.
Оплата производится
банковской картой.

Редакция

Главный редактор:
Ольга Галахова

Заместитель главного редактора:
Татьяна Крупенникова

Редактор, корректор:
Ольга Петренко

Над выпуском работали: Дарья Антонова, Ирина Дженя, Ольга Петренко, Максим Редин, Вера Тарасова

Фотографии Николая Антипова, Евгения Люлюкина, Людмилы Нелиновой, из музейных фондов Малого театра

Дизайн: Наталия Мельгунова, Пётр Мельгунов

Выпуск №1(162) 2018 г.
Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «АРМПОЛИГРАФ»

Партнёры
ЛУКОЙЛ НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ UBS

Генеральный информационный партнёр
телеканал Москва 24

Информационная поддержка
35 Аргументы и Факты AIF.RU
Орден
ИТАР ТАСС
Радио Культура
Радио России